

ПОЛИТИКА РАЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ

И.А. Григорьева

В статье говорится об изменениях приоритетов социальной политики, вызванных старением населения. Пожилые люди – традиционный объект социальной политики, но в последние 12–15 лет многие государства пересматривают социальные обязательства, расширяют платные социальные услуги. Перемены опираются на собственные исторические и культурные традиции. Изменения привели к подъему коммунитарной идеологии (community development), противопоставляющей себя государственному патернализму и рациональным обменным отношениям страхования. Отказ государства от своих обязательств вызывает протесты населения. Что же можно менять в России, не ломая традиций? Пока нормативная модель отношений пожилых людей с государством не найдена.

Ключевые слова: пожилые, пенсионеры, «закон о монетизации», рационализация социальных обязательств, льготы, реформы, эффективность

В современной России юридические обоснования, экономические и управленческие расчеты редко являются основой для принятия политических решений и социальных программ. Это подтвердил Федеральный закон № 122, принятый 22 августа 2004 года и вступивший в силу 1 января 2005 года, получивший известность как «закон о монетизации». Прежде всего хочется отметить, что это не закон об отмене льгот и компенсаций. Сфера действия закона гораздо шире. Он поэтому и называется «О внесении изменений и дополнений...». Список же законов, в которые вносятся изменения и дополнения, весьма велик. Это не только Закон РФ «О ветеранах», которым непосредственно были введены многие из отмененных льгот, но также значительная часть федерального законодательства, институционально оформившего новые социальные гарантии. Речь в значительной степени

идет о существенной ревизии ряда законов, принятых в 1995 году¹, а также Трудового кодекса РФ, вступивших в силу лишь в 2002 году. Тем самым «закон о монетизации» – это не только отказ от широкого круга обязательств перед гражданами, ранее принятых на себя российским государством, но и пересмотр всего социального законодательства, принятого с начала радикальных экономических реформ.

Социальные последствия таких изменений весьма разнообразны. Это не только ухудшение положения граждан пожилого возраста и инвалидов, но и демонстрация потери интереса к ним как электоральной базе политической системы. Это также свидетельствует о неспособности государства реализовать реформы, регулируемые соответствующими законами, подтверждает нежелание федеральной власти считаться с интересами граждан, интересами и возможностями управления на региональном и местном уровнях, кризис взаимодействий и, особенно, межсекторного партнерства, на которое возлагалось столько надежд.

Важно отметить, что демографические изменения в структуре населения, связанные с его старением, делают актуальной другую социальную политику, формулируемую с учетом интересов пожилых граждан. Количество занятых в реальном секторе экономики во всех развитых странах уменьшается, поэтому разрыв между потребностями в социальном обеспечении и его ресурсными возможностями везде растет. Эта ситуация характеризует и современную Россию. Попробуем рассмотреть причины такого разрыва между потребностями и возможностями более подробно.

Пожилые люди в современном обществе: подвижность социально-возрастных границ

Положение граждан пожилого возраста является одной из проблем современного общества и вызовом социальной политики. Это связано с тем, что отмечается значительное увеличение численности пожилых людей и одновременное нарушение их взаимодействия с социальной средой. Среди факторов, вызывающих нарушения такого рода связей, можно выделить «внутренние», связанные со здоровьем человека и его отношением к старению, которые ведут к снижению возможности самообеспечения и самообслуживания. Есть данные, что 80 % лиц в возрасте 75 лет и старше не могут обходиться без посторонней помощи [Пантелеева, Червякова, 2001. С. 45–47]. В число «внешних» факторов входят правовые и социальные кодификаторы возрастного статуса, такие как установленный законами возраст выхода на пенсию по старости (утрате трудоспособности), требуемый для получения пенсии трудовой стаж, принятое в данной культуре отношение к пенсионерам и т. д. Это также

¹ Такие законы Российской Федерации, как «Об основах социального обслуживания населения», «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «О социальной защите инвалидов», «О государственной социальной помощи» и ряд других.

**Григорьева • Политика рационализации социальных обязательств
в отношении пожилых**

изменения ближайшей социальной среды человека, в частности, сужение круга общения из-за ухода с работы, утрата близких, родственников, друзей.

Такие проблемы, как правило, приводят к разрыву различных социальных связей и вытеснению пожилых людей из общественной жизни. Старость – это переход в систему новых социальных ролей, а значит, и в новую систему правовых и межличностных отношений. В нашем обществе, отмечает С.С. Фролов, особенно заметна неудачная социализация при подготовке к старости. Статус пожилого человека связывается с уходом от дел по мере ослабления сил и способностей, а их основной функцией оказывается только поддержание собственного существования. Поэтому переход к роли пожилого человека очень болезнен [Фролов, 1998], ведет к социальному исключению. Понятие «социального исключения» широко используется в современной социологии [Погам, 1999. С. 140–156] для характеристики особенностей положения ряда социальных групп, находящихся не «на границе», а фактически за границей «нормального» общества. Важным критерием нормальности в этом контексте выступает занятость и экономическая независимость.

В России, как и других странах, пожилыми людьми обычно считают людей, вышедших на пенсию. Эта «мерка» не может быть универсальной, так как пенсионный возраст в разных странах различен. В большинстве стран мира к пожилым людям относят граждан в возрасте 65 лет и старше. Так, например, в Англии, когда речь идет о социальных сервисах для пожилых, обычно имеются в виду люди в возрасте старше 70 лет [Compilation... 1993]. В России же современная социальная ситуация, связанная с массовым социальным исключением людей старших возрастов, сконструирована нормами, определяющими выход на пенсию, возникшими в 1950–60-е годы, когда о возможности кризиса старения общества никто еще не подозревал. Женщины в Российской Федерации получают пенсию по старости с 55 лет, мужчины – с 60 лет. Законом «О пенсионном обеспечении в РФ» предусмотрены различия в пенсионном возрасте и для различных социально-профессиональных групп. Требования к трудовому стажу также существенно ниже принятых в большинстве стран мира – 20 и 25 лет, а не 35 лет, как во многих странах Западной Европы.

Многие годы эти нормы также считались льготами, которыми обладают только граждане социалистических государств. Однако в настоящее время у возрастных льгот можно найти по крайней мере две оборотные стороны. Первая связана с низким уровнем возмещения утраченного трудового дохода в сегодняшней пенсии, что объясняется, как выше было отмечено, устойчивой тенденцией уменьшения количества занятых, приходящихся на одного пенсионера в экономике Российской Федерации и других развитых стран. Это – негативный показатель увеличения нагрузки на трудоспособное население, в результате которой доля лиц, делающих взносы в рамках системы пенсионного обеспечения, уменьшается. Российская пенсионная система носит пока полностью распределительный характер, пенсии формируются за счет отчислений с заработной платы работающих в данный момент

(система «pay as you go»). Накопительные эффекты, заложенные в пенсионную реформу, начнут проявлять себя только в начале 2020-х годов, когда на пенсию будут уходить люди 1967 года рождения и моложе. При этом увеличение удельного веса пенсионеров в общей численности населения обусловлено не только старением населения, но и увеличением численности и категорий пенсионеров, выходящих на пенсию по льготным режимам. Так, в Российской Федерации в 1992 году доля пенсий по старости составила 80,5 %, по инвалидности – 9,5 %, по случаю потери кормильца – 7,0 %, за выслугу лет – 0,3 %, по социальным пенсиям – 2,7 %, а в 2001 году доля пенсий по старости во всей численности пенсионеров составила 75,0 %, по инвалидности – 12,6 %, по случаю потери кормильца – 6,8 %, за выслугу лет – 1,8 %, по социальным пенсиям – 3,8 %. Структура распределения по видам пенсий в 2001 году представлена на рис. 1.

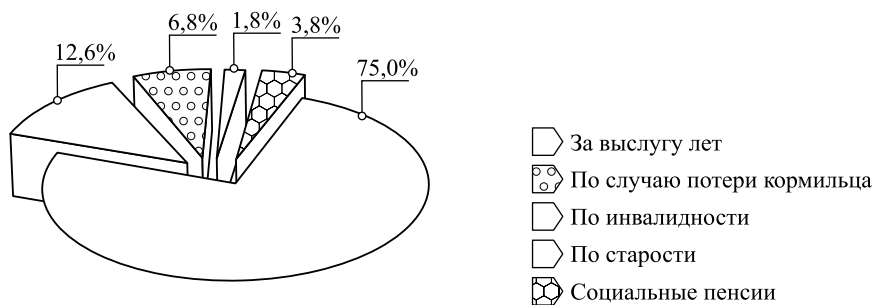

Рис. 1. Структура распределения по видам пенсионного обеспечения в Российской Федерации в 2001 году, %

Источник: Российский статистический ежегодник, 2002. С. 198.

Конвенция МОТ № 102 «Об основных целях и нормах социальной политики» 1952 года определяет, что пенсия по старости должна составлять 40 % заработной платы [Конвенция... 1962]. Однако такой невысокий уровень возмещения заработка при высоких требованиях к трудовому стажу и возрасту выхода на пенсию был связан с реалиями восстановления экономики развитых стран в послевоенное время. Более поздняя конвенция № 128 повышает этот уровень до 45 %. Еще более высокий уровень пособия, достигающий 55 %, определяет рекомендация № 131, которая устанавливает к тому же, что вводимый национальным законодательством минимальный размер пособия по старости должен гарантировать минимальный уровень жизни [О пенсионных нормах... 1998].

С начала 1990-х годов в России не реализуются даже скромные требования конвенции № 128, хотя формально коэффициент, применяемый для расчета пенсий, равен 0,55, то есть 55 %. Тем более не соблюдается требование соответствия пенсии прожиточному минимуму. Это связано в первую очередь с низ-

ким уровнем заработной платы значительной части работающих, при котором пенсия, как механизм возмещения утраченного заработка, теряет экономический смысл. Кроме того, в 1990-е годы введен «потолок» заработной платы для расчета пенсий, который фактически является существенным ограничителем их размера для более высокооплачиваемых работников. Поэтому, по подсчетам разных специалистов, в среднем пенсия составляет не более 35–37 % утраченного заработка [Больницкая, 2004]. Столь низкий размер трудовых пенсий привел к массовому социальному исключению пожилой части населения в ходе экономической либерализации 1990-х годов. Социально-экономическая модернизация совпала при этом с социально-возрастным конфликтом, обесценившим завоевания и позиции пожилого поколения [Бочаров, 2000. С. 169–184].

К тому же из-за установленного законом 1956 года и действующего до сих пор раннего возраста выхода на пенсию, в России, как нигде в мире, велик разрыв между пожилым населением и населением пенсионного возраста, поскольку отнесение женщин старше 55 лет к пожилым (более того, получающим пенсию по старости) возникло вследствие несообразностей советского, а теперь российского законодательства. В других же странах (в основном, протестантских), где возраст потери трудоспособности и права на пенсию по старости равен, как правило, 65 годам как для женщин, так и для мужчин, проблема социальной изоляции пожилых становится актуальной на десять лет позже. Нужно отметить, что современный законодатель в развитых странах озабочен тем, чтобы дольше задержать людей на рабочем месте. Поэтому в настоящее время в самых благополучных странах, таких как Норвегия, Дания, Исландия и США, уже произошло или постепенно происходит повышение возраста выхода на пенсию до 67 лет. Но для всех работающих людей до наступления 67 лет существует возможность неполной или частичной занятости, позволяющей работать в посильном режиме. Такой гибкий подход в сочетании с поздним возрастом окончательного ухода с рынка труда, безусловно, имеет положительный интегрирующий результат. Для тех работников, на пенсионных счетах которых накопились суммы, необходимые для получения достаточной пенсии в течение всего расчетного периода дожития, существует возможность уйти на пенсию и раньше 65 лет. Такое гибкое сочетание возможностей позволяет индивидуализировать режим ухода на пенсию даже в рамках системы обязательного пенсионного страхования. Например, во Франции, где пенсионный возраст – 60 лет (что является как следствием традиционного католицизма, так и влиянием «левых» в начале 1970-х годов на пенсионное законодательство), привилегированной считается социальная позиция университетского профессора, поскольку она – одна из немногих, где можно работать до 72 лет, не только получая зарплату и пенсию, но и, будучи включенным в современную жизнь, сохранять весьма высокую социальную позицию.

Западные специалисты полагают, что в настоящее время ожидания и индивидуальные потребности граждан становятся краеугольным камнем

современного государства благосостояния. «Считающий гражданин» способен получать пользу от государственных выплат и средств, но еще получает договор (счет) о персональных возможностях. Это и означает индивидуализацию социальной политики, уход от присущего ей патернализма. Правительство заключает контракты со своими естественными вкладчиками – гражданами – для новой независимости, достигаемой посредством коллективного участия и налоговых вычетов, то есть «fiscal welfare» или налогового welfare [Schuit, 2001. P. 39–44].

К сожалению, необходимо признать, что в России существуют юридические предпосылки для маргинализации больших групп населения, особенно дискриминируются женщины, что вступает в противоречие с риторикой поиска ресурсов, предназначенных для облегчения бремени социального исключения, невостребованности и низкой пенсии. Вопрос о постепенном повышении пенсионного возраста женщин до 60 лет или предоставлении им права выбора возраста выхода на пенсию с соответствующим поощрением через размер пенсии исчез с повестки дня в процессе реформирования пенсионной системы [Проект... 1998].

Нужно ли монетизировать льготы?

Пока это выглядит непривычно и преждевременно, но тенденции развития / старения современного общества могут вернуть постиндустриальные государства назад, к норме первого европейского пенсионного законодательства 1883 года, принятого в период канцлера Бисмарка в Германии, где возраст потери трудоспособности вследствие старения был установлен в 70 лет. Конечно, это потребовало бы развития более гибких режимов занятости, в частности, более широкого применения неполных дня, недели, месяца, года и определения пределов включения таких режимов в трудовой стаж. Однако опыт западных стран показывает, что данная задача носит технический характер, ее решить куда проще и дешевле, чем «бороться» с социальным исключением пожилых.

В контексте превенции социального исключения многие льготы для пожилых также могут рассматриваться как инструмент, позволяющий дольше оставаться включенными в общественную жизнь, пользоваться всеми существующими сервисами и услугами. Так, льготы на проезд в городском транспорте прямо могут быть увязаны с сохранением мобильности, возможности посещения различных, в том числе отдаленных, мест городского пространства. Однако именно эти льготы исторически «молоды». Первыми их ввели москвичи в начале 1990-х годов. На волне демократизации и Перестройки мэр города Г.Х. Попов издал распоряжение от 13 июня 1991 года «О предоставлении права бесплатного проезда на городском пассажирском транспорте пенсионерам г. Москва». Другие регионы последовали примеру столицы. Естественно, что фактически получали эту льготу только те, кто

пользовался общественным транспортом, однако рассуждать об учете потребителей и эффективном менеджменте, когда речь шла о льготах для пожилых, считалось неприличным. Транспортные предприятия предъявляли счет соответствующим бюджетам на суммы убытков от обслуживания льготников, причем количество лиц, пользующихся льготами, неизменно превышалось, а реальные причины убытков никого не интересовали. Субсидирование транспортных предприятий (равно как и предприятий ЖКХ) считалось черной дырой региональных и местных бюджетов [Бобков, Дуда, Зимин и др., 2001; Лексин, Швецов, 2000; Смирнов, 2001]. Однако можно предположить, что была взаимная заинтересованность в таких «дырах», поскольку они позволяли обналичивать бюджетные деньги.

Натуральный характер значительного числа льгот дает основание критиковать их как «пережиток социализма», хотя именно натуральные льготы используются в развитых странах, поскольку обладают «эффектом самоотбора». Этот эффект заключается в том, что помощь в натуральной форме, как правило, получают именно те, кто нуждаются в такой форме помощи. А вот помощь в монетарной, денежной форме, обычно хотят получать все. Практически сразу после принятия Закона «О ветеранах» в 1995 году обнаружилось, что в бюджетах регионов нет денег на его реализацию, поскольку данный мандат не финансировался федеральным бюджетом. Однако недовольство населения тех регионов, где закон не исполнялся, удалось погасить обещаниями, что обязательства, вытекающие из федерального закона, будут прописаны в региональных бюджетах, что постепенно и происходило, хотя с большими региональными различиями. Принятые технологии реализации данного закона также имели несовершенный характер, однако существенно то, что льготы прибавлялись, а не «отнимались».

Бюджетные дотации предприятиям, предоставлявшим натуральные услуги, приводили к тому, что сами предприятия были заинтересованы в увеличении числа льготников и отраслевым механизме их учета. Результаты носили фантастический характер. Так, в Санкт-Петербурге было более 130 категорий льготников и более 6 млн получателей льгот по данным разных ведомств, при численности пенсионеров около 1,3 млн человек и общей численности населения 4,5 млн. Сами ведомства (Пенсионный фонд, Транспортное управление, Комитет по труду и социальной защите, Жилищное управление, Комитет по здравоохранению и т. д.) не были заинтересованы в создании общей (объединенной) базы данных по льготникам и улучшении учета, хотя вопрос о нецелевом расходовании средств и низкой адресности системы льгот все эти годы активно обсуждался.

Та же ситуация с учетом льготников и средств на финансирование льгот была и в России в целом. Реализация закона № 122 в январе 2005 года не могла начаться успешно, так как не было информационной базы (Регистра населения) для этого, тем более, что закон разделил «федеральных» и «региональных» льготников, что требовало сверки и передачи данных о реципиентах.

Неудивительно, что в средствах массовой информации промелькнуло сообщение, что разница между реальным и учтенным количеством пенсионеров разных категорий, выявившаяся в результате подготовки Пенсионного фонда к реализации закона № 122, составила около 2 млн человек. При этом именно Пенсионный фонд является основным источником информации о льготных категориях граждан для остальных ведомств. С другой стороны, сама система назначения пенсий, построенная на многочисленных льготных режимах для очень широких групп занятых, является источником ошибок учета.

Аналогичная ситуация была во многих регионах. Например, в конце 2004 – начале 2005 года в Ленинградской области органами социальной защиты населения была проведена работа по формированию федерального и областного регистров льготных категорий граждан. На начало января 2005 года в федеральный регистр включено 188 635 человек, в областной – 130 567 человек. Большую работу провели все муниципальные органы социальной защиты населения во взаимодействии с отделением Пенсионного фонда, Фондом социального страхования, Сбербанком, МДМ банком, Управлением Федеральной почтовой связи. В то же время, отмечает руководитель областного комитета по труду и социальной защите населения, «в ряде муниципальных образований еще низок уровень соответствия численности граждан, включенных в областной регистр, и граждан, имеющих право на получение льгот по областному закону. Колебания в цифрах достигают 100 тыс. человек, хотя современный уровень технологических возможностей позволяет обеспечить информационное взаимодействие с заинтересованными структурами, оперативно реагировать на происходящие изменения в законодательстве, поддерживать областной регистр льготных категорий в актуальном состоянии, внедрять новые программные модули. В 2005 году предстоит продолжать работу по созданию системы защиты информации локальной вычислительной сети комитета, разработке и внедрению программного обеспечения новых социальных выплат, совершенствованию технологий информационного обмена между органами, учреждениями социальной защиты населения и комитетом. Остро стоит проблема создания единого информационного пространства в рамках разрабатываемой системы персонифицированного учета населения Ленинградской области. Должна быть выработана единая технология и регламент межведомственного обмена информацией» [Быстрова, 2005].

Информационное обеспечение любых нововведений имеет еще один аспект. Так, именно отсутствие должной информации и подробного обсуждения того, что и каким образом будет делать правительство для реализации закона № 122, привело к митингам и демонстрациям. Отсутствие «площадок для взаимодействия», как обозначают ситуацию некоторые эксперты – критики монетизации, привело население на площади. Когда «процесс пошел» и оказалось, что население на этот раз настроено решительно, либеральные экономисты, которые много лет вполне аргументированно писали о необхо-

димости монетизации льгот, отмолчались. «Крайними» оказались региональные власти, которые зачастую проявляли здоровое отношение к возможностям нового закона. Так, Комитет по труду и социальному развитию г. Санкт-Петербурга обращался в Министерство здравоохранения и социального развития РФ с предложением отложить начало реализации закона хотя бы на полгода в связи с неготовностью информационной базы, с одной стороны, и отсутствием правоприменительных документов – с другой. Оказывается, существует порядок, когда при наличии письменного мнения от тридцати субъектов Российской Федерации о невозможности приступить к реализации какого-либо федерального закона в указанный срок, введение в действие закона откладывается на согласованный сторонами срок. Однако управляемая «вертикаль власти» в этом случае сработала четко, необходимого количества обращений не оказалось, и закон был введен в действие как и планировалось с 1 января 2005 года и повлек известные негативные последствия.

Парадоксально, но в более выгодном положении оказались те субъекты Федерации, которые не исполнили закон № 122 в части монетизации льгот. Так, по данным специалистов фонда «Институт экономики города», которые недавно провели специальное исследование «Монетизация льгот регионами в условиях противоречивости федеральной политики», степень монетизации в разных регионах весьма различается. Этот показатель авторы исследования определяли с помощью специально введенного индекса монетизации. За основу были взяты три льготные категории граждан, относящиеся к ведомству местных властей (ветераны труда, труженики тыла и репрессированные) и 20 видов причитающихся им ранее льгот, решение о переводе которых в денежный вид принимают субъекты Федерации. Оказалось, что льготы монетизировали (перевели из натуральной в денежную форму) только 30 % регионов, а 50 % практически не сделали ничего. Кроме того, 11 субъектов Федерации указали, что планируют в этом году ввести новые натуральные льготы в дополнение к уже существующим.

Такая неисполнительность оказалась возможна, поскольку тот же закон № 122 фактически передал все функции по социальному обслуживанию населения субъектам Российской Федерации. Например, в соответствии со статьей 7 Закона РФ «Об основах социального обслуживания населения» от 10 декабря 1995 года в редакции закона № 122 от 22 августа 2004 года «государство гарантирует право граждан на социальное обслуживание... в порядке и на условиях, которые устанавливаются законами и иными нормативными актами субъектов РФ».

Далее в соответствии со статьей 20 утратили силу полномочия государственной власти в области разработки, финансирования и реализации федеральных программ социального обслуживания, разработки государственных стандартов социального обслуживания и контроля их соблюдения и т. д. Это тем более странно, что в столь большой и разнообразной по социально-экономическим условиям стране без минимального набора социальных стандартов,

чтобы совсем не похоронить идею социальной справедливости, не обойтись. Ведь социальные стандарты – это постоянно действующие ограничители, не позволяющие рыночному неравенству достичь опасного уровня. В их число могут входить и ставки налогов, и минимальный размер оплаты труда, и прожиточный минимум, и определенный набор медицинских или образовательных услуг. Теперь же (с 1 января 2005 года) будут разрабатываться только региональные стандарты и региональные же социальные программы в области социального обслуживания. Данная ситуация связана с серьезными противоречиями «внутри» закона № 122, которые позволяют субъектам Федерации исполнять его «по мере понимания». Однако очевидно, что отказ от государственных стандартов в области социального обслуживания, передача всех социальных служб и значительной части «льготников» в ведение регионов могут привести к существенным межрегиональным различиям в положении пожилого населения (а также инвалидов, детей и т. п.) и, более широко, к превращению социального пространства страны в «лоскутное одеяло», которое вряд ли сможет крепко сшить «управленческая вертикаль».

Еще раз, к сожалению, подтверждается низкая способность государства просчитывать последствия и контролировать исполнение своих решений, когда «реформы ограничиваются разработкой и принятием федеральных законов и постановлений Правительства РФ, а как они исполняются – государство не заботит. Некоторые реформы не доделаны, иные – не начались, а по другим начался откат назад...» [Арсюхин и др., 2005]. Оказалось, что монетизация стоит тоже очень дорого и не является выходом в условиях российских традиций взаимодействия власти с населением и наоборот. Добавим к этому, что русский национальный характер способен адаптировать неожиданным образом любую ситуацию. Например, в Санкт-Петербурге, по наблюдениям автора, часть пожилых людей получают деньги на проездной билет, а потом стараются проехать «зайцем», часто вступая в весьма оживленную «дискуссию» с кондуктором. Можно услышать от пожилых людей следующее: «Вот раньше, когда проезд был бесплатным...». На вопрос автора о компенсации за проездной билет можно услышать мнение, что произошла отмена бесплатного проезда, которая случайно совпала с прибавкой к маленькой пенсии. Эти наблюдения демонстрируют определенный социокультурный разрыв в тех смыслах, которые вкладывались в реформу ее инициаторами и населением в целом.

Представляется перспективным упорядочивание ситуации со льготами через объединение льготных категорий, а не их бесконечную дифференциацию, когда разные режимы предоставления льгот существуют, например, для участников Великой Отечественной войны. Эти категории чрезмерно разнообразны – Герои Советского Союза, награжденные орденами, инвалиды, труженики тыла, блокадники. Все же война была всенародной, и через 60 лет после ее окончания этот факт должен отразиться на социальном обеспечении военных поколений. Для людей послевоенных лет, которые в настоящее вре-

мя начинают выходить на пенсию, именно пенсии, а не льготы, должны, хотя бы постепенно, стать основным источником благосостояния. Для этого не только пенсии должны вырасти до соответствия утраченному заработку, но и болезни / инвалидность должны перестать быть источником льгот и благ, когда люди стремятся «получить группу». Если не менять постепенно, шаг за шагом, год от года традиционную русскую трудовую культуру на более ответственную, индивидуализированную и расчетливую, мы так и останемся в ситуации «вечного возвращения» к традиционным патернализму и зависимости от государства или государя, даже если он называется президентом.

Пожилые и социальная политика: от меритократической селекции – к ...?

Актуализация дискурса о месте пожилых граждан в социальной политике требует определенных уточнений в понимании самой социальной политики. Это особенно необходимо в нашей стране, где социальная политика долгое время носила не только патерналистский, но и слабо отрефлексированный характер. Рассуждения о любой группе населения, кроме, пожалуй, работающих, велись с позиций долга общества по отношению к ней (ветеранам, детям, инвалидам). Никаких ясных расчетов или данных о том, какие финансовые или иные ресурсы и из каких источников необходимы для решения каких-либо конкретных проблем, насколько эффективно эти ресурсы используются, в литературе советского периода не наблюдается. Более того, многие проблемы идентифицировались как временные, серьезно не анализировались. Сегодня многие проблемы стали предметом публичного дискурса, который зачастую носит конфликтный характер [Романов, Гатвинский, 2003], а эффективность решений низка. Особенно это очевидно по отношению к проблемам пожилых, где многие годы претендовал на монополию медикалистский подход редукционистского толка. Поэтому посмотрим на проблемы пожилых в более широком контексте.

Социальная политика становится одним из приоритетных направлений социологического анализа начиная с 1950-х годов. Один из авторитетных исследователей гражданских прав, английский социолог Т. Маршалл определяет социальную политику как «деятельность государства по социальному обеспечению граждан, которая выражается в развитии систем социального страхования, общественной (или государственной) помощи, здравоохранения и жилищной политики» [Marshall, 1981]. Уже это, одно из первых, определение свидетельствует о том, что социальная политика функционально направлена и связана с управленческой деятельностью (менеджментом). Позднее Р. Титмус разрабатывает это классическое определение, акцентируя внимание на тех функциях, которые социальная политика призвана выполнять.

В соответствии с функционалистским подходом он выделяет три идеальных типа – три модели – социальной политики в обществе государства

благополучия (welfare state). Во-первых, это «социальная политика, организованная по остаточному принципу». Другими словами, это модель компенсаторной социальной политики. Она исходит из постулата о существовании двух основных социальных институтов, способствующих разрешению сложных жизненных проблем, с которыми сталкиваются граждане: семьи и рынка. Социальная политика при этом рассматривается как система временных мер социального обеспечения, необходимых для восстановления ресурсов семьи или компенсирующих негативное влияние нестабильной рыночной среды на положение граждан. Во-вторых, «социальная политика, ориентированная на трудовые достижения». В рамках этой модели социальное обеспечение граждан зависит от заслуг, трудового стажа, производительности труда и выполняет функцию «вознаграждения» за трудовое участие и заслуги перед обществом. И наконец, в-третьих, «институциональная распределительная модель социальной политики». В данном случае социальная политика представляется как социальный институт, способствующий социальной интеграции граждан и распределяющий социальные блага, до известной степени независимо от индивидуальных и групповых «заслуг» граждан перед обществом [Titmuss, 1974].

Отмечают, что в либеральной модели социальная политика вторична по отношению к экономике. В модели достижений, в контексте приоритета трудового участия, экономика и социальная политика являются равноправными институтами общества. В институциональной модели интегративные задачи социальной политики могут оказаться даже выше задач эффективности экономики. Каждая модель реализуется на основе селекции тех групп населения, которые заслуживают поддержки государства. При этом выбор связан с традиционными представлениями каждого общества о том, кто и в каких ситуациях эту поддержку заслуживает: малообеспеченные, налогоплательщики или ветераны гражданской / военной службы. Хотя в этом выборе не всегда есть прямая связь с заслугами, он может называться меритократической селекцией. Идеальные типы социальной политики, описанные Титмуссом, не имеют конкретных социально-политических референтов, они описывают лишь возможные принципы формирования социальной политики в разных политических, экономических и культурных контекстах государства благополучия. Но реально существующая социальная политика в разных странах всегда носит смешанный характер, где в разной степени представлены каждый из трех типов.

Структурирующее воздействие социальной политики на положение различных социальных групп определяется основными механизмами распределения социальных благ, их типами и строением. Эти механизмы создают не только политическую и экономическую, но и символическую основу социальной идентификации каждой выделяемой группы. Групповая идентичность конструируется за счет средств номинации и кодификации, определяющих гражданско-правовой статус определенной группы. Выявление значений номинаций и кодов статуса может быть произведено на основе

концепции П. Бурдые о символическом эффекте кодификации. «Кодификация – это операция приведения в символический порядок или поддержки символического порядка, которая наиболее часто возлагается на высшие государственные бюрократии» [Бурдые, 1994. С. 181–182]. Объем символического капитала группы определяется кодификацией ее правовой позиции и статусом правового документа, задающего эти коды. Чем большей юридической силой обладает правовой документ, тем больший объем символического капитала получает данная социальная категория граждан. Поэтому важно проанализировать, каким образом законодательство последних 12–15 лет кодифицировало, в частности, такую группу населения, как граждане пожилого возраста или, проще, пожилые.

Изучение советской социальной политики в отношении пожилых граждан показывает, что она строилась, как правило, на принципах вознаграждения за заслуги перед обществом (модель достижений в типологии Титмусса), когда «достижением» или «заслужой» гражданина считалось выполнение им трудового или воинского долга. Поэтому ветераны Великой Отечественной войны, особенно Герои Советского Союза, являлись наиболее почитаемой и поддерживаемой государством группой населения. Право на социальное обеспечение ветеранов Великой Отечественной войны является наиболее развитым с точки зрения разнообразия типов поддержки по сравнению с социальными правами других категорий советских граждан. Их исключительный статус в системе социального обеспечения граждан соответствует, по мнению того же Р. Титмусса, идеологизированным принципам трудового достижения и меритократической селекции, лежавшим в основе советской социальной политики. С точки зрения Титмусса, советская система социального обеспечения не выполняла функцию защиты населения, поскольку не снижала, а, напротив, усиливала различия в уровне жизни разных категорий граждан [Titmuss, 1974. P. 17–18]. Эту позицию отстаивает, в частности, О.И. Шкаратан [Шкаратан, 1998]. По его мнению, советская социальная политика была направлена на защиту интересов номенклатуры, а не на согласование интересов различных социальных групп. И в работе Титмусса, и в исследованиях Шкаратана подчеркивается важный принцип советской социальной политики, заключающийся в дифференциации разных категорий граждан по степени их «права» на получение социальной помощи от государства. Поэтому советская номенклатура, конструируемая с помощью различных заслуг (merits), «справедливо» приписывала себе и значительный объем прав. Можно добавить, что российская социальная политика 1990-х – начала 2000-х годов, анализируемая с этой стороны, обнаруживала гораздо большую преемственность с советской, чем экономическая политика того же периода.

Дифференциация внутри таких категорий, как пожилые и даже ветераны, была велика и не только не уменьшилась в последние годы, но и была поддержана разветвленной и запутанной системой льгот. Именно система льгот уже в 1990-е годы поддерживала и развивала селективные принципы,

сложившиеся ранее. В то же время льготы, особенно введенные Федеральным законом «О ветеранах» (1995), декларировались как инструмент адресной, то есть селективной, поддержки населения. Но эта поддержка носила уже ярко выраженный компенсирующий характер, то есть соответствовала либеральной модели социальной политики по Р. Титмуссу. Но поскольку система льгот охватывала 70 % населения, она никоим образом не может рассматриваться как механизм селективной, то есть адресной поддержки. Таким образом, механизм льгот был направлен одновременно на решение противоположных задач, а следовательно, эффективно работать не мог.

Говоря о льготах как механизме смягчения снижения уровня жизни для пенсионеров в условиях социальных реформ, нельзя не упомянуть, что проблема способов адаптации к трансформационным процессам различных социально-возрастных групп так и не стала объектом публичной дискуссии. Попытки такого обсуждения встречаются неодобрительно как специалистами, так и людьми любого возраста, отсутствует адекватная статистика сравнительного характера. Данные немецких исследователей показывают, что легче всех перенесли социально-экономические трансформации представители самого старшего поколения жителей бывшей ГДР, то есть те, кто к моменту объединения Германии уже давно был на пенсии. В наиболее сложном положении оказались люди последнего предпенсионного десятилетия, поскольку перемены на рынке труда привели к тому, что они первыми потеряли работу, а найти ее снова оказалось почти невозможно. Именно это поколение психологически и экономически оказалось наименее защищенным. Немецкие исследователи называют также в качестве приоритетной проблему безработицы среди молодежи восточных земель. Пенсионеры – это люди, к которым ни они сами, ни общество не предъявляют таких требований, как постоянная занятость, самообеспечение, воспитание малолетних детей, поэтому их социальная нагрузка оценивается как наименьшая [Steinert, 2003].

Мы полагаем, что идея о необходимости реформирования и рационализации социальных обязательств государства столкнулась с некомпетентностью чиновников и сопротивлением общества и поэтому не нашла адекватного воплощения. Нужно также учитывать, что никакие экономические сдвиги или трансформации государства последних лет не изменят сформированной у пожилого населения уверенности в их праве на достойную пенсию, ответственность за которую несет государство. Учитывая то, что эта часть населения, как правило, не имеет собственности, которая могла бы приносить доход, или альтернативных источников доходов, понятно, что протестный потенциал пожилых, который проявился в начале 2005 года, далеко не исчерпан. Попытки сокращения пусть даже неэффективных социальных выплат могут наталкиваться на сопротивление не только сегодняшних пенсионеров, но и тех, кто станет ими завтра, поскольку они также немного выиграли от реформирования экономики. Как показывает опыт трансформации системы социального обеспечения такой традиционно либеральной страны, как США

в 1980-х и в середине 1990-х годов, «предложения по ужесточению программ, затрагивающих интересы пенсионеров, превращают социальную сферу в политическое минное поле, где любое изменение существующего положения таит в себе опасность. Уже сейчас нужно быть очень рискованным политиком, чтобы игнорировать интересы каждого шестого избирателя, а к 2030 г. в возрасте 65 лет и старше будет каждый третий избиратель» [Лебедева, 2000. С. 62]. Остается лишь добавить, что население России стареет даже более быстрыми темпами, чем население США, поэтому изменения в области социальной политики для пожилых необходимы, но каждый шаг должен быть взвешен, продуман и пройти этап широкого обсуждения с населением.

Как сдвинуться с мертвой точки во взаимодействиях государства и населения

Роль государства в российской социальной политике в течение последнего десятилетия радикально изменилась. Либерализация концепции государства в этот период привела к его уходу из многих традиционных сфер деятельности. В то же время возможности для поддержки различных форм самоорганизации и самообеспечения населения не были созданы. Однако в литературе по социальной политике отмечено, что 1990-е годы были десятилетием перемен и отказа государств от многих привычных социальных обязательств практически во всех развитых странах [Hort, 2004; Ploug, Kvist, 1996]. Эти перемены затронули даже такую эталонную с точки зрения системы социальной защиты страну, как Швеция. Экономический спад привел к значительному снижению расходов на социальные нужды и поставил на повестку дня вопросы, во-первых, оптимизации использования ресурсов, производства большего количества услуг на единицу затрат; во-вторых, использования ресурсов только для обеспечения жизненно необходимых нужд пожилых; в-третьих, перераспределения ресурсов между разными группами населения и разными направлениями социальной политики [Thorslund, Bergmark, Parker, 1997. P. 197–206].

Вполне ожидаемая провозглашенная необходимость адаптации к экономической ситуации была воспринята значительной частью населения Швеции как пренебрежение фундаментальными традиционными ценностями «шведского социализма», такими как равенство, доступность социальной поддержки, решающая роль государства в решении социальных вопросов. Ведущие средства массовой информации в стремлении государства сделать социальную политику более дешевой для налогоплательщиков и более селективной для потребителей увидели не процесс социальных изменений, а «удар в сердце демократии».

Особую дискуссию вызвал вопрос о платных социальных услугах и уменьшении льгот по оплате этих услуг. Было предложено сделать плату за услуги равной их реальной стоимости, что может привлечь в этот сектор негосударственные и частные организации и создать предпосылки возникновения

рынка услуг. Такие изменения могут привести к различиям в уровне и количестве оказываемых услуг для пенсионеров в зависимости от их способности платить, что противоречит принципам универсализма, привычным для населения. Был сделан вывод о необходимости широкой дискуссии по поводу определения общенациональных приоритетов социальной политики, в том числе в отношении пожилых. На уровне же потребителей услуг было решено, что помощь на дому направляется наиболее нуждающимся (с высокой степенью потери способности к самообслуживанию) клиентам. Те же, кто получал помощь эпизодически или несколько часов в неделю, должны стараться обходиться без нее.

Этот пример изменений в управлении социальным обслуживанием в Швеции показывает, что и в благополучной Швеции, и в гораздо менее благополучной России переход от универсальной системы предоставления социальных услуг к селективной, адресной, требующей опоры не на общезначимые ценности, а на расчеты эффективности, весьма сложен. В России он не только сложен, но и дорог, так как нет информационной базы, а перевод льгот в денежную форму способствует росту инфляции. Кроме того, предоставление льгот в натуральной форме имеет эффект самоотбора, то есть добровольного отказа / исключения тех, кто не слишком нуждается именно в такой натуральной помощи. Льготы в денежном эквиваленте, естественно, хотят получать все, что давно известно специалистам по адресной помощи. В России ситуация осложняется тем, что максимальное число льгот всегда получали самые заслуженные, а не самые нуждающиеся или неспособные к самообслуживанию пожилые граждане. Провозглашенная смена ценностей, заключающаяся, в частности, в отказе от патернализма, универсальной системы социального обеспечения, и переход к более демократической системе, связанной с трудовым вкладом, не приняты большинством тех, кто традиционно нуждается в социальных услугах и даже просто значительной частью населения. Напротив, подсознательная привязанность к архаическим культурным традициям, диктующая русскому человеку подмену правовой нормы милосердием и почти любовным снисхождением к своим и чужим слабостям, явно противоречит необходимости профессионализации и повышения эффективности и адресности социальной работы.

Построение системы адресной помощи, например, столкнулось с неприятным системным документальным подтверждением и регулярных проверок нуждаемости как клиентами, так и самими социальными работниками. Этот конструктивный, но требующий информационного и правового подкрепления подход к помощи воспринимается как бюрократизированный. Напротив, сострадательное отношение заставляет выделять натуральную или денежную помощь даже клиентам, уличенным в регулярном «попрошайничестве» в различных службах. Как любое изменение сверху, переход от универсального социального обеспечения к адресной помощи наиболее нуждающимся оказался нереализованным не из-за чьего-то конкретного противодействия, а из-за инерции

«человеческого материала», приверженности ценностям традиционной культуры, которая характеризует как профессионалов, так и клиентов.

Кроме того, критерии эффективности социального обслуживания пожилых во многих случаях действительно сложны. Ведь речь идет, например, о постепенно снижающейся способности к самообслуживанию, что во многих случаях неизбежно, или о хронических болезнях, где есть лечение, но нет излечения, а лишь повышение жизненного комфорта за счет возможности жить дома, а не в стационаре. Какова степень ответственности специалистов и социальных работников за использованные общественные ресурсы в подобных случаях? В каких случаях профессиональные ресурсы могут быть заменены ресурсами сообществ или волонтеров, как организовать их взаимодействие? Как поддержать развитие семейного ухода, помочь родственникам пожилых людей, которые его обеспечивают, или урегулировать проблемную ситуацию, когда пожилой человек хочет оставаться дома, а родственники, напротив, хотят поместить его в стационар.

Таких вопросов, новых для российской практики социальной работы, можно сформулировать много. Ясно одно, что в период, когда социалистическое государство монопольно распоряжалось ресурсами общества, сложилось представление о неразрывности связки «право человека – обязанность государства». Поэтому в сознании граждан обязанности, связанные с реализацией их социальных прав, всецело лежат на государстве. Нужна серьезная научная и разъяснительная работа, направленная на то, чтобы сделать отношения граждан и государства более симметричными, чтобы люди поняли, что речь идет о расходовании их денег, то есть денег налогоплательщиков, с одной стороны, и отстаивании их же прав – с другой. Людям необходимо объяснять, на что реально они могут рассчитывать при существующих нормах налогообложения, трудового стажа и других особенностях личной и социальной ситуации. Без такого гражданского просвещения отказ государства от привычных социальных обязательств неизбежно будет вызывать протесты населения.

В последние годы много написано о необходимости развития взаимопомощи населения. Как показывает западный опыт, умение участвовать в делах друг друга (взаимопомощь) и даже собственных делах (самопомощь) не дается людям автоматически, этому тоже можно и нужно учить. Такое обучение клиентов освоению ближайших ресурсов жизненной среды считается важной задачей социальных служб. Не случайно во многих западных странах давно развивается социальная работа в сообществах, которая в англоязычных странах обычно называется «развитием сообществ» (community development), а в Германии – «коммунальной социальной работой». Это направление социальной работы связано с широким участием жителей городских кварталов в решении собственных проблем на основе взаимопомощи и кооперации. Социальный работник здесь выступает в роли организатора, вдохновителя и менеджера такого местного, соседского сообщества, стимулирует общественную самоорганизацию. Причем ресурсом развития

сообществ выступают именно пожилые люди, обладающие квалификацией, жизненным опытом и, самое главное, временем для такой ресоциализации и нового социального включения [Григорьева, Келасьев, 2004].

Однако именно закон № 122 фактически отменил такое важное понятие, как социальная работа на муниципальном уровне. Из ряда статей Закона РФ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» исчезли упоминания о «муниципальной системе социальных служб» (статья 4), об управлении муниципальной системой социальных служб (статья 19). Они утратили силу в связи с тем, что все социальные службы становятся государственными, то есть находятся в федеральном подчинении или подчинении субъектов Федерации. Отчасти это можно объяснить тем, что в соответствии с новым законом о местном самоуправлении населения нынешние муниципальные образования (МО) будут разукрупнены и, действительно, не будут иметь организационных или финансовых возможностей для социальной работы. Так, например, в Ленинградской области вместо 27 МО планируется образовать 220 МО. Есть ли резоны в такой муниципальной реформе – вопрос отдельный, но о мере ее продвижения с работой на уровне клиента, о необходимости которой написано очень много, придется, видимо, подождать. В то же время отказ от идеи государственных стандартов социального обслуживания (статья 6), от лицензирования негосударственных социальных служб (статья 18) и передача полномочий по определению «Гарантированного перечня социальных услуг» субъектам РФ, которая началась в 2005 году в соответствии с тем же законом № 122, могут привести к сужению перечня услуг в соответствии с возможностями каждого субъекта Федерации и превращению обсуждаемой проблемы в иллюстрацию того, как относительно унифицированное социальное пространство страны превращается в «лоскутное одеяло».

В конце 1990-х годов начался возврат к позиции более активного вмешательства государства в экономику и общественные дела, но это вмешательство носит сугубо административный характер, не обусловлено какой-либо интегрирующей общество идеей. В целом федеральные законы, программные документы правительства и президента, связанные с формированием нового типа социальной политики, носят до сих пор противоречивый характер, а способность известных политиков согласовывать интересы различных групп вызывает глубокие сомнения. Акценты, расставляемые в публикациях СМИ, способствуют лишь нагнетанию напряженности в отношениях между различными социальными группами, поколениями или территориями и формированию чувства катастрофизма в обществе в целом, нисколько не способствуя поиску путей выхода из кризиса или развитию взаимопомощи людей.

В таком дезинтегрированном обществе, как российское, где интересы разных групп населения не только не совпадают, но и конфликтуют, важнейшей задачей реформирования становится создание культуры социальных взаимодействий (партнерства), ведения переговоров и умения достигать приемле-

**Григорьева • Политика рационализации социальных обязательств
в отношении пожилых**

мых соглашений по наиболее спорным вопросам развития общества, к которым, очевидно, относятся и приоритеты социальной политики. Социальное партнерство, исторически сложившееся как взаимодействие работодателей, работодателей (наемных работников) и государства, в современных условиях следует понимать более широко, как равноправное взаимодействие государства, рыночных структур в лице работодателей и работодателей, структур гражданского общества и населения. Только этот новый тип отношений, включающий взаимодействие всех секторов общества, может сделать социальную политику эффективной и устойчивой, способствующей интеграции общества, и противодействовать отсутствию жизненных перспектив, исключению пожилого населения и дестабилизации социума.

Список литературы

- Арсюхин Е., Зыкова Т., Федотова И.* Новая среднесрочная программа требует еще большего самоустранения государства // Российская газета. 2005. 9 февр.
- Бобков В. Н., Дуда И. И., Зимин В. Г.* и др. Социальные льготы гражданам Российской Федерации и направления их реформирования. М.: Изд-во ВЦУЖ, 2001.
- Больницкая А. Н.* Анализ некоторых сравнительных показателей пенсионного обеспечения в Российской Федерации и Республике Саха (Якутия) с 1992 по 2001 г. // Институт социальных проблем труда: Сб. науч. работ. Вып. 10 / Ин-т соц. проб. труда АН РС(Я). Якутск, 2004.
- Бочаров В. В.* Антропология возраста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
- Бурдые П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
- Быстрова З. Н.* Реформирование системы социального обслуживания населения и его особенности в Ленинградской области // Социальная работа и общество. СПб.: Скифия, 2005.
- Гонтмахер Е. Ш.* Монетизация – это мина, заложенная под будущее России // Отечественные записки. 2005. № 3.
- Григорьева И. А., Келасьев В. Н.* Теория и практика социальной работы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Закон Российской Федерации № 122 от 22.08. 2004 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 5 сент.*
- Конвенция об основных целях и нормах социальной политики.* Конвенции и рекомендации МОТ. Женева: Международное бюро труда, 1962.
- Лебедева Л. Ф.* США: государство и социальное обеспечение. Механизм регулирования. М.: Наука, 2000. С. 62.
- Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Социальные обязательства государства и их исполнение. М.: Муниципальная Россия, 2000.
- О пенсионных нормах в конвенциях и рекомендациях Международной организации труда // Пенсия. 1998. № 12. С. 53–56.*
- Пантелеева Т. С., Червякова Г. А.* Экономические основы социальной работы. М.: Владос, 2002.

Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. Спец. выпуск. Современная французская социология. С. 140–156.

Проект программы пенсионной реформы, представленный Министерством труда и социального развития и Пенсионным фондом РФ // Пенсия. № 1. 1998. С. 5–23.

Романов П. В., Гатвинский А. Н. Социальные изменения и социальная политика // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1.

Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2002.

Смирнов С. Н. Социальная ответственность государства и домохозяйств // Мир России. 2001. № 2.

Фролов С. С. Социология. М.: Гардарики, 1998.

Шкаратан О. И. Социальная политика в контексте постсоветской экономики (федеральный и региональный срезы) // Мир России. 1998. № 1–2. С. 5–30.

Compilation of Social Security Laws: Including the Social Security Act as amended and related enactments through Jan. 1. 1993. Vol. 1.

Hort S. E. O. Western Experience – Eastern Experiment? Welfare State Model and Theories before and after the «Decennium Horrible». Развитие государства благосостояния в странах Северной Европы и России: сравнительная перспектива: Сб. статей / Под ред. И. Григорьевой, Н. Килдал, С. Кюлле и В. Мининой. СПб.: Скифия-принт, 2004.

Marshall T. H. The Right to Welfare and Other Essays. London: Heinemann, 1981.

Ploug N., Kvist J. Social Security in Europe: Development or Dismantlement? London: Kluwer Law International, 1996.

Schuit Theo N. M. Philanthropy and the diversification of the western European «welfare state» model // European Journal of Social Work. Vol. 4. 2001. № 11. P. 39–44.

Steinert E. Elderly Women – the Quality of Life in Times of Transition // Social Work and Society. St. Petersburg: Skif ia-print, 2003. P. 64–65.

Titmuss R. Social Policy: An Introduction / Ed. by B. Abel-Smith, K. Titmuss. London: Allen & Unwin, 1974.

Thorslund M., Bergmark A., Parker M. G. Difficult Decisions on care and services for elderly people: the dilemma of setting priorities in the welfare state // Scandinavian Journal Social Welfare. 1997. № 6. P. 197–206.

Ирина Андреевна Григорьева
к.ф.н., доцент кафедры теории и практики социальной работы
факультета социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
электронная почта: dvs@mailbox.alkor.ru
